

Пик миновал?

Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху

Александр Лукин

А.В. Лукин – доктор исторических наук, руководитель департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00038 «Архитектура безопасности в “Большой Евразии”: состояние, перспективы и возможности для России».

5 июня 2019 г. лидеры России и Китая подписали совместное заявление о том, что всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие между двумя странами вступают в новую эпоху. Сразу после этого российские и китайские политики и эксперты начали размышлять, а что, собственно, произошло в двусторонних отношениях и в чём эта новая эпоха заключается. Как в самом документе, так и в большинстве официальных комментариев ни о каких качественных сдвигах речи не идёт. В них в основном суммируются достижения и сообщается, что работа на всех направлениях будет продолжена.

Но дело вовсе не в углублении старых тенденций, а в некоторых совершенно новых факторах, которые начали действовать для России с 2014 г., когда она пошла на серьёзную конфронтацию с Западом, а для Китая – с 2016 г., когда США начали против него торговую войну. Обе страны окончательно осознали невозможность вписаться на равных условиях в международную систему, в которой доминируют Соединённые Штаты и их западные союзники. До 2014 г. Москва всегда шла на уступки, надеясь сохранить конструктивные отношения с Западом, который, приняв эти уступки за слабость, продолжал двигать военную инфраструктуру всё ближе к российским границам. Когда же Запад поддержал пере-

ворот на Украине, в результате которого к власти в Киеве пришли радикально настроенные антироссийские националисты, в Москве решили, что настало время дать решительный отпор.

Для Китая поворотным моментом стал приход к власти Дональда Трампа, который увидел в Пекине основного соперника на международной арене и развязал против него торговую войну. Хотя этот политический поворот долго готовился и фактически уже начался при Бараке Обаме, китайских экспертов и руководство страны он застал врасплох, так как до это стратегия экономического развития Китая основывалась на западных теориях неизбежности глобализации и создания всемирной либеральной экономической системы, от распространения которой выигрывали и США, и КНР. В Пекине не хотели верить в то, что ради достижения геополитических целей по сдерживанию Китая Вашингтон пойдёт на меры, вредные для собственной экономики. Однако в администрации Трампа решили, что Китай необходимо сдерживать любыми средствами, даже ценой экономических потерь, в противном случае тот может воспользоваться американскими технологиями, чтобы обойти Соединённые Штаты сначала в экономике, а затем и по политическому влиянию в мире.

В Пекине неожиданная атака Трампа вызвала недоумение и дискуссии о возможной реакции. Были сторонники жёсткого ответа и те, кто говорил о необходимости значительных уступок. Однако в целом возобладало мнение, что конфликт принял затяжной характер и нужно готовиться к худшему. Пекин не отказывается от переговоров и надеется заключить с Вашингтоном сделку, которая, по крайней мере, даст передышку для перестройки экономики в сторону меньшей зависимости от экспорта в США и союзные им государства и от их технологий. Однако иллюзий относительно сохранения стабильного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Вашингтоном уже нет. Концепция «отношений нового типа между крупными державами», отражавшая эти иллюзии, ушла в прошлое.

Такой поворот в китайском видении будущего непосредственно связан с его пониманием роли России. Ещё в начале 2016 г. бывший заместитель министра иностранных дел КНР Фу Ин в статье, вызвавшей большой резонанс в России, в целом весьма позитивно оценивая российско-китайское стратегическое сотрудничество,

подспудно упрекала Москву за излишнюю горячность и неумение рационально выстраивать отношения с Вашингтоном. Сегодня, однако, когда стало очевидно, что китайская осторожность также не принесла ожидаемых плодов в умиротворении американцев, россиян в Китае всё чаще называют «нацией бойцов», которая способна дать отпор врагам и защищать свои интересы, мало того, их порой даже ставят в пример собственному руководству. Именно поэтому столь широкой популярностью в Китае пользуется боевито выглядящий российский президент Владимир Путин.

У нового этапа отношений есть не только очевидные причины, но и вполне конкретные признаки. К ним можно отнести следующие.

Допуск инвестиций китайских государственных кампаний в энергетическую отрасль и сферу высоких технологий.

До 2015 г. российское правительство фактически препятствовало китайским государственным кампаниями инвестировать в энергетическую отрасль. Но в феврале 2015-го российский вице-премьер Аркадий Дворкович заявил, что правительство России готово рассмотреть заявки китайских компаний на приобретение контрольного пакета в стратегических нефтегазовых месторождениях. В результате уже к концу 2015 г. российские и китайские компании подписали несколько крупных инвестиционных контрактов.

Изменилась позиция и в области инвестиций в высокие технологии. В сентябре 2015 г. во время визита президента Путина в Пекин российская компания “En+ Group Limited”, управляющая активами в сфере энергетики, цветной металлургии и горнорудной промышленности, логистики и стратегически связанных с ними отраслях, контролируемых близким к руководству страны олигархом Олегом Дерипаской, подписала соглашение с компаниями “Centrin Data Systems” и ООО «Техкомпания Хуавэй» о совместном строительстве дата-центра в Иркутске. Между тем, когда за десять лет до этого, в январе 2005 г., во время посещения российским президентом Новосибирска, руководитель Сибирского отделения РАН академик Николай Добрецов предложил совместно с китайскими учёными создать в Сибири центр информационных технологий, Путин спросил: «Зачем с Китаем?». И, явно намекая на проблему безопасности, заметил: «Только чтобы эти зоны не превратились

потом для китайцев в доступную такую... Ну, понятно...», призвав сотрудничать со стратегическим партнёром «аккуратно».

Начало процесса сопряжения строительства китайской инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути» и Евразийского экономического союза и одобрение Китаем российско-казахстанской идеи Большого евразийского партнёрства.

В 2015 г. в Китае принято решение о развитии отношений с Евразийским экономическим союзом как организацией, что, безусловно, способствовало росту её авторитета. До этого Пекин предпочитал иметь дело с государствами постсоветского пространства лишь на двусторонней основе. По сути, это была поддержка российских планов углубления и расширения евразийской интеграции, демонстрация отсутствия каких-либо опасений относительно их.

Активизация сотрудничества в космической сфере.

Продажа Китаю наиболее современных видов российских вооружений: 24-х истребителей Су-35 и системы ПВО С-400, что, по мнению российских экспертов, значительно укрепит безопасность Китая.

Переход на новый уровень в области военных учений – проведение совместных военно-морских учений в «чувствительных» для НАТО районах (Южно-Китайское, Балтийское моря, Ормузский пролив) и совместное патрулирование ВВС над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей.

Российское содействие созданию в КНР системы предупреждения о ракетном нападении, что указывает на высочайший уровень доверия.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТИЛЕ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Значительным препятствием для дальнейшего сближения может стать недостаток доверия, вызванный изменением стиля китайской внешней политики. Ещё с конца первого десятилетия XXI века эксперты стали отмечать нарастание «самоуверенности» внешнеполитического курса Пекина. В ряде публикаций китайских журналистов и экспертов, в особенности военных, стали появляться призывы брать пример с США и проводить силовой курс, борясь за геополитическое влияние и обеспечивая внешнеэкономиче-

ские интересы. В то время китайские власти говорили, что это лишь частные мнения, не отражающие официальную линию. Затем широкую популярность приобрела газета «Цюаньцю шибао» (в английском варианте “*Global Times*”), редактор которой, бывший военный корреспондент Ху Сицзинь, был открытым сторонником более «самоуверенного» курса. С ним спорили некоторые сторонники традиционной дипломатии, продолжающей идею Дэн Сяопина о скромности, выраженной в формуле «таогуан янхуэй» (держаться в тени и стараться не проявлять себя). Наиболее известная дискуссия состоялась в 2016 г., когда У Цзяньминь, известный дипломат, подверг позицию Ху Сицзиня открытой критике. Однако сегодня можно с уверенностью сказать, что в практической политике курс на «самоуверенность» взял верх.

Это создаёт серьёзное противоречие между заявляемыми целями китайской дипломатии и её практикой. В официальных документах написано о стремлении к «взаимному выигрышу», пяти принципах мирного сосуществования, невмешательстве во внутренние дела других стран, уважении принципов международного права, отличии внешней политики Пекина от гегемонистского курса других крупных держав, прежде всего США.

При этом одновременно в сторону Китая сыпятся обвинения в том, что он закабальет другие государства кредитами, китайские компании не соблюдают трудового законодательства других стран, происходит подкуп местных чиновников, загрязнение окружающей среды. Пекин упрекают в неэффективности капиталовложений, неиспользовании местной рабочей силы. Критикуют за вмешательство в дела других стран с использованием своих граждан, китайских студентов и соотечественников (хуацяо). Помимо этого, КНР создаёт военные базы за рубежом (первая военно-морская база открыта в Джибути в 2017 г.), применяет экономические санкции против соседей (Монголия, Южная Корея), даже пытается диктовать свою волю государственным органам других стран. Например, недавно по интернету разошлись фотографии нот китайских посольств на Украине с требованием к мэрии Киева закрыть выставку, посвящённую событиям в Гонконге, и правительству Эстонии – с предложением изменить содержание официального документа, в котором, с китайской точки зрения, неправильно

отражена роль Китая в мире. Пусть даже выставка и документ действительно нехороши, однако подобные требования в дипломатии всегда считались примером вмешательства во внутренние дела.

Конечно, всё это детский лепет по сравнению с тем, что делают или делали классические великие державы, такие, как США, СССР или европейские государства в период колониализма. Кроме того, часть обвинений, исходящих от американцев и их союзников, явно вызваны стремлением оказать идеологическое давление в конкурентной борьбе. Тем не менее общая тенденция налицо: Пекин начинает использовать те же инструменты, что и другие державы, хотя и не признаёт этого в официальной внешнеполитической риторике. Но лишь в официальной. В китайской экспертной литературе и публицистике легко найти доказательства необходимости открытия большего числа военных баз в различных регионах мира, использования армии для защиты экономических интересов, применения санкций как инструмента давления на правительства других стран¹.

Изменился и сам стиль китайской дипломатии. Высокопоставленные китайские дипломаты, активно используя современные средства коммуникации, зарубежные социальные сети и мессенджеры (большая часть которых запрещена в Китае), напористо дискутируют с журналистами, экспертами, политиками других стран, дают им советы, как себя вести, что писать и чего не писать, угрожают внести в «черные списки» за «неправильные» взгляды, порой доходя до открытой грубости. Поскольку такие действия никак не критикуются высшим руководством, надо полагать, что эта тенденция, напоминающая стиль «культурной революции», считается нормальной и даже полезной. Китайские граждане – сотрудники различных зарубежных учреждений, преподаватели и студенты вузов – используются для навязывания китайской точки зрения по различным историческим и международным во-

¹ 戴旭 // *Дай Сюй*: 《С型包围 — 内忧外患下的中国突围》// Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления. 山海, 文汇出版社, 2010; 罗援: 没有尚武精神的民族没有希望 // *Ло Юань*: У нации без воинственного духа нет будущего. Ифэнван, 2012. Ссылка: http://news.ifeng.com/mainland/special/diaoyudaozhengduan/content-3/detail_2012_10/21/18411333_0.shtml; Янь Лян. Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе // Вайцзяо пинлунь: Вайцзяо сюэюань сюэбао, 2012. Т. 29. №. 6. С. 16–29.

просам, причём часто это делается в чрезвычайно активной форме, что приводит к срывам занятий и выходит за рамки товарищеских отношений в коллективах.

Этот внешнеполитический стиль контрпродуктивен, прежде всего, для самого Китая. Пекин прилагает огромные усилия и тратит значительные средства на пропаганду собственных достижений и улучшение международного имиджа: проводятся сотни конференций, издаётся литература, по всему миру работают Институты Конфуция. И действительно, Китаю есть чем гордиться и о чём рассказать миру – это страна древней и уникальной культуры, власти которой в последние три десятилетия создали эффективную экономическую модель, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и повышение уровня благосостояния населения. Однако перерастание законной гордости в высокомерие, пренебрежительное отношение к опыту других стран, попытки диктовать им, как строить свою жизнь, можно воспринять как возврат к ксенофобским традициям китайской империи, которые в конечном счёте привели к её краху.

ОТНОШЕНИЕ К КИТАЮ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

Всё это приводит к снижению популярности Китая во многих странах, в первую очередь среди соседей. Так, согласно опросу *Pew Research* 2019 г., неблагоприятного взгляда на Китай придерживаются 63% жителей Южной Кореи, 85% – Японии, 57% – Австралии, 54% – Филиппин, 46% – Индии, более 50% почти всех европейских стран (за исключением Греции). А ведь когда-то многие из этих стран были к Китаю настроены весьма дружелюбно.

Несколько лучше к Китаю относятся в Африке, Латинской Америке и Восточной Европе, но и там показатели ухудшаются. Можно с уверенностью сказать, что победа «самоуверенности», или линии Ху Сицзиня, ведёт Китай к серьёзным проблемам. Не совсем ясно, как в этой атмосфере можно проводить в жизнь такие глобальные программы, как «Пояс и путь», для которой сотрудничество со многими государствами является ключевыми фактором.

Подход Китая к борьбе с эпидемией коронавируса – ещё один пример новой китайской «самоуверенности». КНР, действительно, эффективно боролась с эпидемией и оказала значительную по-

мощь другим странам. Но Пекин превращает победу над эпидемией в предмет гордости, которую вряд ли смогут понять в других странах. Ведь перед победой там всё же допустили распространение вируса и довольно длительное время не принимали активных мер. Кроме того, именно из Китая болезнь распространилась в другие страны. Поэтому довольно неуклюжие попытки выдать проблему, пусть и эффективно решаемую, за достижение, и проскальзывающее в высказываниях китайских представителей пренебрежительное отношение к системам здравоохранения других государств, которые якобы справляются хуже, чем Китай, вряд ли пойдут на пользу его имиджу.

ОТНОШЕНИЕ К КИТАЮ В РОССИИ

В России популярность Китая пока не снижается и даже растёт. Это связано с распространённым убеждением, что «напористые» действия Китая России не коснутся, поскольку наша страна официально развивает с ним «стратегическое партнёрство и взаимодействие» и является для него, в отличие, скажем, от США, дружественной и почти союзнической страной. Однако стоит помнить о том, что в случае Китая «напористость» может проявляться не только по отношению к враждебным государствам – она становится универсальным китайским инструментом, а китайское руководство либо не может, либо не желает это изменить.

Несмотря на официальные заявления обеих сторон, наблюдается рост диспропорций в двусторонних отношениях. В России свободно вещают китайские телекомпании, входящие в основные пакеты многих спутниковых компаний, и распространяются китайские СМИ, в том числе на русском языке. А на территории Китая это запрещено законодательно, российское телевидение там можно смотреть только в ряде крупных отелей. В России издаётся много китайских книг по истории, общественной и международной тематике. В Китае это возможно, только если содержание не противоречит китайской позиции, причём в последнее время ситуация стала значительно жёстче: в результате «подвисло» большое количество ранее переведённых, но не изданных работ российских авторов.

В 2016 г. под Москвой в торжественной обстановке открылся музей VI Съезда КПК, который полностью контролируется китай-

ской стороной, так как формально является филиалом Китайского культурного центра в Москве. Естественно, музей пропагандирует официальную китайскую версию партийной истории и советско-китайских отношений, которая, мягко говоря, не во всём совпадает с результатами объективных исследований. Вероятно, это единственный музей в России, который административно подчиняется иностранцам. Между тем, во многие музеи КНР, в том числе посвящённые российско-китайским отношениям, доступ иностранцам, в том числе россиянам, вообще запрещён. Кроме того, в Китае гораздо чаще, чем в Восточной Европе, перемещают памятники российским воинам, освобождавшим Северо-Восток страны от японцев в 1945 г., из центров городов в пригороды и пустынные места. По официальной версии, это делается, чтобы освободить место для транспорта, однако, вероятно, здесь играет роль и некоторое нежелание выпячивать роль внешних сил в разгроме японских агрессоров. Хотя на высоком уровне роли СССР отдаётся должное.

Усилившиеся в Китае идеологизация и цензура мешают углублению кооперации в общественных науках. Поведение китайских студентов и преподавателей сдерживает расширение межвузовского взаимодействия. Ряд российских вузов уже отказался от приглашения на постоянную работу китайских преподавателей, сокращают количество китайских студентов. Россия стремится сдерживать распространение Институтов Конфуция, добившись договорённости о том, чтобы их число не превышало числа Русских центров в Китае. Ряд Институтов Конфуция уже пытались закрыть за якобы незаконную деятельность, хотя попытки эти провалились. В связи с участвовавшими случаями арестов и осуждения российских учёных за шпионаж в пользу Китая сотрудничество в естественно-научных областях становится опасным.

В российском обществе отношение к растущему Китаю также неоднозначно. Согласно большинству исследований, россияне считают Китай наиболее дружественной страной мира. Так, по данным специального опроса государственного Фонда общественного мнения (ФОМ) «Китай. Представления россиян о китайцах и китайской культуре», проведённого в июле 2018 г., дружественным государством Китай считают 62% респондентов. Согласно опросу независимого «Левада-центра» за февраль 2018 г., в хоро-

шем отношении к Китаю признались 70% россиян. В то же время опрос ФОМ показал: 68% россиян полагают, что сегодня Китай развивается более успешно, чем Россия. При этом читали статьи или книги, смотрели фильмы, передачи, посвящённые Китаю, 52% участников опроса, а 47% вообще ничего о Китае не смотрели и не читали. 57% респондентов заявили, что культура, ценности и образ жизни русских и китайцев сильно различаются. Хотели бы отправиться в Китай 52% россиян (молодые, разумеется, значительно чаще: 64%), а 46% не хотели бы туда ехать. В случае выбора, поехать в европейскую страну или Китай, 49% предпочли бы Европу и лишь 27% – Китай. 35% выразили больший интерес к европейской культуре, чем к китайской, 19% интересуются обеими, и лишь 12% питают больший интерес к китайской культуре.

В целом можно сказать, что россияне начинают благосклонно относиться к Китаю. В то же время сохраняется стабильное меньшинство, которое проявляет настороженность. Это в основном те, кто поддерживает крайних либералов-западников и крайних националистов. В связи с консолидацией центра вокруг правительства и его курса эти два фланга стали довольно малочисленными. Впрочем, если положение в стране будет ухудшаться, их влияние теоретически может вновь возрасти.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Общие стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, соглашаясь на более тесное взаимодействие с Китаем, можно условно разделить на две составляющих. Первая: естественная необходимость поддерживать стабильные отношения с экономически и политически мощным соседним государством. Вторая: надёжное партнёрство в условиях санкционного режима. В свете западной политики давления Россия обращается к Китаю за политической поддержкой, а также как к альтернативному торговому партнёру, источнику инвестиций и кредитов. Китай, который также попал под санкции Запада, в свою очередь движется в сторону России.

Однако несмотря на то, что российское руководство считает Китай крайне важным торгово-экономическим и геополитическим партнёром, особенно в условиях конфронтации с Западом, и на

то, что российская политическая система становится всё более близкой китайской, отношение к Пекину в Москве двойственное.

Есть, например, опасения относительно углубляющегося разрыва в экономике, осуществляемого КНР мощного военного строительства и растущей китайской бесцеремонности. Пока они не часто выходят в публичное пространство, но это не значит, что их нет и что определённые меры в этом направлении не принимаются.

Другое и, пожалуй, главное опасение Москвы в плане стратегического сотрудничества с Китаем, касается нежелания связывать себя обязательствами полной поддержки всех китайских инициатив и позиций, поскольку в некоторых случаях это могло бы осложнить отношения России с другими партнёрами. До известного предела Москва демонстрирует солидарность с Китаем, например, выражая понимание относительно его позиции по проблемам Синьцзяна, Гонконга, соглашаясь с мотивами его непризнания решения международного арбитража по спору в Южно-Китайском море. Однако поддерживать территориальные претензии Пекина она вряд ли станет. Точно также и Китай, исходя из своей принципиальной позиции о строгом соблюдении принципа территориальной целостности, не признаёт российские действия в Крыму, Абхазии, Южной Осетии.

Таким образом, политические и экономические факторы, способствуя сближению, одновременно демонстрируют и определённые пределы.

БУДУЩЕЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Что всё это значит для будущего российско-китайских отношений? Вряд ли можно согласиться с идеологическим, не основанным на реальности алармизмом как наших крайних националистов, так и прозападной оппозиции, предлагающих помогать Вашингтону изолировать Пекин. Первые всех на свете считают врагами, и непонятно, с кем тогда иметь дело, а позиция вторых – вместо превращения России в «младшего партнёра Китая» сделает её сателлитом Запада, который между тем находится в серьёзном кризисе. Объективно давление США и Запада в целом на Россию в настоящее время гораздо более сильно и создаёт гораздо большую угрозу её интересам, чем растущая китайская «самоуверенность». Это делает укрепление отношений с Китаем необходимостью.

Оправданно и сближение с менее сильным центром силы для балансировки давления со стороны более мощного и с геополитической точки зрения. Но это не означает, что можно закрывать глаза, убаюкивая себя лозунгами о росте «взаимного доверия» и «принципиально новом характере взаимоотношений». Геополитические закономерности и потребности безопасности остались теми же, и на них должна быть основана реальная внешняя политика.

Россия и Китай, имея значительный спектр общих интересов, способны сохранять тесные отношения по крайней мере до тех пор, пока Соединённые Штаты будут продолжать демонстрировать стратегическое превосходство и проводить враждебный курс по отношению к обеим странам. Если же КНР превзойдёт США по общей мощи, это серьёзно изменит расстановку сил в мире, что, естественно, отразится и на российской внешней политике.

На фоне эпидемии коронавируса, с одной стороны, возникает тенденция к большей обособленности, а с другой – государства лучше осознают необходимость бороться с вызовами и выходить из вызванного эпидемией мирового экономического кризиса сообща. Новая ситуация может позволить России не так жёстко выбирать между партнёрами и ориентироваться не только на тех, кто может составить противовес США.

В Китае экономические проблемы способны временно ослабить тенденцию к «самоуверенности», так как они увеличат потребность в сотрудничестве с ведущими экономиками мира. Но, если не произойдёт коренных изменений в политической системе, это ослабление не будет длительным. Похоже, что «самоуверенность» является неизбежным следствием усиления Китая, как, впрочем, и любой другой страны. Поэтому Москва вряд ли согласится на ещё более близкие отношения с Пекином, например, на формальный союз. Не нужен он и Китаю, так как тенденция к «самоуверенности» противоречит идее связывать себя формальными обязательствами, способными ограничить суверенитет и свободу действий. Поэтому весьма вероятно, что пик российско-китайского сближения уже пройден. В будущем обе стороны будут на практике проявлять больше прагматизма, хотя это не обязательно выразится в лозунгах или официальных заявлениях.